

ДЕЛАТЬ «НАРОД»: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ И МАТЕРИАЛЬНОСТЬ БАРРИКАД В МЕКСИКЕ И ЛАТВИИ. Резюме

Иван Аренас, Даце Дзеновска

В 2006 году в мексиканском городе Оахаке из подручных материалов были сооружены баррикады, чтобы защитить городских жителей и членов Общественной ассамблеи *народов* Оахаки от вторжений военизированных формирований и полицейских репрессий. При построении баррикад использовались самые разнообразные предметы — от автобусов до гвоздей, палок и веревок, натянутых через улицы. Организовывались и защищались баррикады домохозяйками, детьми и подростками из городских шаек, многочисленными соседями. Таким образом, оахакские баррикады породили новую живую общность «el pueblo» (народа). За пятнадцать лет до этих событий, в 1991 году, на улицах Риги баррикады строил «tauta» (народ) Латвии, чтобы защитить себя и памятники городской архитектуры от советских военных частей. Как и в Оахаке, баррикады в Риге создали интимную общность *народа*.

Баррикады и та коллективная субъектность, которую они производят, — это не только революционная практика сопротивления в моменты кризиса. Они также представляют собой исторически и культурно специфическую артикуляцию политических воображаемых пространственных и материальных практик и социальных взаимоотношений. Рассматривая пространственные и материальные практики сооружения баррикад в Латвии и Мексике через призму этнографии, мы исследуем тесное переплетение материальности, человеческих практик и политики, а также порождаемые этим переплетением в конкретных ситуациях политические возможности и накладываемые им ограничения. Пусть эта практика была недолговечна, баррикады преобразовали социальный ландшафт и тем самым произвели альтернативные формы ответственности и политики, сохраняющие значимость в обеих странах и влияющие на восприятие как прошлого, так и настоящего и будущего.

В 2007 году, ожидая начала третьего рижского лесби-гей-парада, его участница Айна признала: «Сегодня у меня баррикадное ощущение». Чтобы проиллюстрировать напряженную атмосферу страха и тревоги, в которой проходил парад, сопровождаемый спорами и протестами, Айна сослалась на баррикады января 1991 года, сооруженные самыми разными людьми для защиты (вос)создаваемого политического сообщества от советских военных подразделений, намеренных предотвратить распад СССР. Ссылкой на баррикады, в частности на «баррикадное ощущение», она подчеркнула глубокую политическую и экзистенциальную значимость, которой в ее глазах был наделен парад, из-за чего она решила принять в нем участие несмотря на атмосферу страха и неопределенности, в которой он готовился.

Эти и другие примеры говорят о том, что баррикады стали не просто вехой в политической истории латвийского государства или элементом коллективного самоописания латышского «*tauta*». Они маркируют момент, как кажется, бесконечных возможностей, с которым часто сопоставляется и в сравнении с которым оценивается нынешняя жизнь народа и государства. Сегодня внутри страны и за ее пределами часто обсуждаются трения между этническими латышами и русскими, но воспоминания о латвийских баррикадах часто фокусируются на том, что, хотя большинство участников были латышского происхождения, другие жители Латвии, включая русских, тоже были на баррикадах. Народный фронт — умеренная политическая организация, которая встала в авангарде движения за независимость, — обратился к русскоязычному населению в надежде получить политическую поддержку, необходимую для мирного отделения от СССР. Тем не менее многие латыши не ожидали встретить на баррикадах русскоязычных жителей Латвии, и участие последних стало для многих латышей удивительным, а в ретроспективе и вдохновляющим аспектом баррикадного опыта.

Баррикады создали ощущение единства вместо казавшегося глубоким разделения. На баррикадах люди шутили, пели и танцевали, ни на минуту не забывая, что в любой момент они могут быть вынуждены занять позиции, чтобы оказать ненасильственное сопротивление советским подразделениям. Люди слушали радио, чтобы быть в курсе политической обстановки, и информация о происшествиях на других баррикадах передавалась из уст в уста. До самого утра горели костры, люди приносили еду и чай, а песни и танцы поддерживали дух и согревали тела в эти январские дни 1991 года. Материальные практики сооружения рижских баррикад и дежурства на них произвели весьма специфический тип общности, который мы так и называем — «баррикадным». Баррикадная общность — это та коллективная связь, которая на короткий срок превратила «*tauta*» в «космическую» силу, удивившую своим единством не только советских военных, но и самих участников баррикад.

В Мексике баррикады, сооруженные в Оахаке в 2006 году, стали ответом на жестокое подавление губернатором штата широкого социального движения, которое началось с забастовки учителей. По подсчетам, в городе одновременно было сооружено более 1500 баррикад. Этот тяжелый труд был в основном делом рук местных жителей, желавших защитить свои районы от угрозы со стороны правых

военизированных формирований, поддерживаемых государством, а также от грабителей, которые размножились после того, как фактически все сотрудники полиции покинули город. В отличие от Латвии, где люди со всей страны собрались в одном центральном месте, чтобы построить надежные долговременные баррикады, в Оахаке большинство баррикад были временными, местные жители для защиты своего района сооружали их по вечерам и разбирали к утру. Заново воздвигаемые из местных булыжников изо дня в день на протяжении многих месяцев, оахакские баррикады как материальная практика стали важным пространством, в котором состоялись новые встречи и диалоги между людьми, всю жизнь жившими бок о бок, но никогда тесно не общавшимися. Побуждая людей воспринимать друг друга как товарищей, баррикадная общность Оахаки воодушевила новое восприятие коллективной идентичности людьми, которые стали идентифицировать себя как «el pueblo».

Ученые от Фридриха Энгельса до Вальтера Беньямина анализировали тот факт (и сетовали на него), что в современном городе массы прохожих ежедневно сталкиваются, при этом не зная и не замечая друг друга. Несмотря на все различия между случаями Риги и Оахаки, баррикады там сходны материальностью своей конструкции, необходимостью дежурить и содержать их и создаваемой этими практиками социальной связью. Все это создает общие социальные опыт и воображаемое, радикально преобразующие абстрактный современный город и социальные отношения в нем.

Однако если в Латвии баррикады были сконцентрированы в ключевых точках, поскольку служили защитой от советской военной угрозы, то в Оахаке небольшие масштаб и расположение большинства баррикад обусловили не только иные материальные практики, но и иное представление о возможностях, порожденных баррикадной общностью. События 1991 года артикулировали определенные материальные практики тела и политики, из которых складывалась латвийская баррикадная общность, отсылающая к единому народу, способному противостоять советским войскам. В годы после обретения независимости на смену этой общности пришла попытка построить латышское государство-нацию. Как и в случае баррикад, материальные и коллективные практики государственного строительства породили определенные политические и социальные формирования и сопутствующие им разделительные черты между большинством и меньшинствами, будь то этническими, сексуальными или иными.

Поэтому мы считаем, что, анализируя современное государственное и национал-строительство в Латвии, может оказаться полезным переместить фокус внимания с заведомо исключительного и националистического политического воображаемого, якобы характерного для общественной и политической жизни Латвии, на связи между нацией и современными практиками управления государством. Как нам кажется, размежевание встроено в саму форму современного государства. Именно эта форма и порождает ту политику исключения и размежевания, которая конституирует нынешний «момент опасности», побуждающий многих в Латвии обратиться к романтизированному представлению о баррикадах и тем, как казалось, бесконечным политическим возможностям, которые они создавали.

В Мексике местный масштаб и коллективные практики оахакской баррикадной общности создавали и создают реальные альтернативы для сообществ, потерявших веру в представительную демократию. Движение 2006 года представило политику активным пространством и процессом принятия решений на уровне местного сообщества, а не города, государства или нации. Этот эффект по-прежнему ощутим в повседневной жизни жителей Оахаки: пусть они поставлены в условия, выбранные не ими, теперь они способны переосмыслить собственное будущее.

Приведенные нами примеры, как мы надеемся, показали, что к тому моменту, когда баррикадная общность воплотила коллектив «*tauta*» или «*el pueblo*» как коллективную субъектность, практическая общность баррикад уже превосходила эту коллективную позицию. Сегодня некоторые места и дискурсы продолжают обращаться к «*tauta*» или «*el pueblo*», зачастую эксплицитно отсылая к общности, возникшей на баррикадах. Однако застывание этой динамичной общности в форме определенной субъектной позиции означает замыкание (пусть не окончательное) той социальной и политической открытости, которая характеризовала баррикадную общность. Коллективная субъектность, порожденная телесной общностью на баррикадах, открывает большие возможности, но она накладывает и не менее серьезные ограничения. Она эфемерна и, возможно, не может не быть таковой: ее невозможно возродить, просто сооружая баррикады, создавая искусственный кризис или производя дискурс о ней.

Тем не менее политические и общественные следствия имеют и тоска по моменту открытости, и отмежевания, произведенные этой тягой. Одним из таких эффектов становится внимание к острым недостаткам современных конвенциональных социальных связей и стремление к иному способу сосуществования с соседями. Существует соблазн списать их со счетов как малозначительные или неудавшиеся восстания, но латвийский и оахакский баррикадный опыт продуктивен, так как показывает нам, что может возникнуть из обыденных практик, возникающих на стыке исторических пластов, гегемони неолиберальных рыночных реформ и либерального дискурса о демократизации.

Перевод с английского Михаила Габовича